

БАРБАРА
КАРТЛЕНД

Дар богов

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Barbara Cartland
GIFT OF GODS

Перевод с английского *М.В. Кузиной*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения Cartland Promotions
и литературных агентств Rupert Crew Limited и Andrew
Nurnberg.

Картленд, Барбара.

К27 Дар богов : роман / Барбара Картленд ; [пер.
с англ. М. В. Кузиной]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 224 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-098581-4

Алиса и Пенелопа Уинтон, красавицы, дочери обедневшего лорда, приезжают в Лондон, где амбициозная Пенелопа надеется сделать выгодную партию. Но где взять денег на надлежащие туалеты? Алиса решает заработать, продавая кремы собственного изготовления, и случайно встречает циничного светского льва графа Кесвика. Так начинается история страсти, ниспосланной как дар богов...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098581-4

© Barbara Cartland, 1981
© Перевод. М.В. Кузина, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

От автора

Сестры Ганнинг, Мария и Элизабет, приехали из Ирландии в Лондон в 1751 году. Их немедленно провозгласили самыми прекрасными из ныне живущих женщин, но они были так бедны, что некоторое время им пришлось делить один наряд на двоих.

В 1752 году младшая, Элизабет, обвенчалась с шестым герцогом Гамильтоном. Это произошло в половине первого ночи в часовне Мейфэр. Вместо обручального кольца у невесты было колечко от занавески.

У Элизабет было два сына; оба стали герцогами Гамильтон, а после смерти мужа в 1758 году она вышла замуж за маркиза Лорна, который впоследствии стал герцогом Агилла.

Старшая сестра, Мария, вышла замуж за шестого графа Ковентри. Мария была так прекрасна, что как-то раз в Гайд-парке ее окружила восхищенная толпа и не давала проехать. После этого случая король настоял, чтобы ее всюду сопровождала стража из четырнадцати солдат.

У нее было пять детей, но умерла она в возрасте всего двадцати семи лет от чахотки, потому что здоровье было подорвано чрезмерным употреблением косметики, содержащей свинцовые белила.

Очаровательная мадам Вестрис была фавориткой многих знатных персон, и ее искусственность в делах любви ценилась наравне с ее профессиональными качествами. Она положила начало новому подходу к сценическому искусству, а ее ножки и смех были подобны сиянию солнца.

Глава 1

1821 год

Когда изящная коляска отъехала наконец-то от дома и покатила по запущенной подъездной аллее, дочери сэра Адриана Уинтона с облегчением вздохнули.

Последние несколько дней они с утра до ночи паковали вещи, готовя отца к отъезду в Шотландию. Сэр Адриан увлекался геологией и обожал писать умные, но ужасно скучные книги о скалах и камнях Британии, а потому, когда давний друг, живущий в Шотландии, пригласил его в гости, пообещав свозить не только в Пертширские горы, но и на Шетландские острова, он загорелся этой идеей, словно мальчишка.

— Мне всегда хотелось исследовать укрепления пиктов, — говорил он дочерям, — посмотреть, из чего они выстроены. И не удивлюсь, если окажется, что викинги везли камни с собой, через все Северное море — до сих пор этого никто точно не знает.

Пенелопа, младшая дочь, слушала его не слишком внимательно. Вопросы геологии ее не волновали, и она не собиралась этого скрывать.

Зато Алиса, которая очень любила отца, честно старалась вникнуть в то, о чем он говорит. Она понимала, что теперь, после того как умерла мама, работа стала для него всем на свете, и никогда не отказывалась ему помочь.

Сколько раз она переписывала его труды своим аккуратным, изящным почерком, прежде чем отослать издателю! Отец частенько зачитывал ей вслух ту или иную длинную главу своего очередного опуса в те часы, когда Пенелопа или уже спала, или приводила в порядок свой скудный гардероб.

Помахав отцу на прощание, сестры подождали, пока коляска скроется за поворотом, и вернулись в дом.

— Я хочу предложить тебе кое-что, — сказала Пенелопа. Алиса не ответила, и она раздраженно бросила: — Ты меня слышишь?

— Прости, я задумалась. Вдруг папенька взял с собой мало теплой одежды? В Шотландии гораздо холоднее, чем здесь, а он будет бродить по горам в любую погоду, забыв, что уже немолод и легко простужается.

— Перестань кудахтать над ним, как курица над цыпленком! — воскликнула Пенелопа. —

Пойдем-ка в гостиную. Мне действительно нужно с тобой серьезно поговорить.

Бросив на сестру обеспокоенный взгляд, Алиса прошла за Пенелопой через холл в неприбранную, но уютную гостиную, которая, когда мама была жива, называлась еще «мамина комната».

Теперь в этой комнате сестры отдавали дань своим увлечениям: Пенелопа — шитью, а Алиса — рисованию. На стуле висело недошитое платье и лежала раскрытая корзинка для швейных принадлежностей, а на маленьком мольберте возле окна стояла неоконченная картина: первоцветы в фарфоровой вазе.

В гостиной было так много книг, что все не смогли поместиться в большом чиппендейловском книжном шкафу и были набросаны в угол, да еще на каждом столе лежали по две-три стопки.

Алиса была «читателем», а Пенелопа скорее «делателем». По характеру они были разными, хотя внешне — очень похожи.

Впрочем, кое-какое различие все же существовало.

Обе сестры были чрезвычайно, почти необыкновенно красивы, но Пенелопа, без сомнения, казалась более эффектной.

Золотистые, цвета спелой ржи волосы, синие, словно летнее небо, глаза, белоснежная

кожа, нежный румянец на щеках — идеал красоты.

Посмотрев на Пенелопу, любой бы в первую минуту подумал, что так не бывает, но, взглянув на Алису и снова на Пенелопу, понял бы, что нет, все же бывает: Алиса была так же прелестна, как и сестра, только это не сразу бросалось в глаза.

Сэр Адриан как-то, будучи в романтическом настроении, назвал сестер «роза и фиалка»; прозвища эти подошли им как нельзя лучше. Сам он, впрочем, очень скоро об этом забыл, поскольку времени подумать о дочерях у него почти никогда не было.

Лишь за два дня до отъезда он удосужился сообщить Алисе:

— Кстати, Алиса, я написал твоей тете Генриетте и попросил разрешить вам пожить у нее.

— О нет, папа! Только не это! — невольно вырвалось у Алисы.

— Что ты имеешь в виду? — удивился сэр Адриан.

Поколебавшись, Алиса сказала:

— А разве мы... разве нельзя нам... остаться здесь? Вы же знаете... Бригстоки о нас позаботятся... до вашего возвращения.

— Бригстоки — слуги, — возразил сэр Адриан. — Уезжая на пару дней, я мог позволить им

присмотреть за вами, но сейчас я буду отсутствовать два или три месяца. Нет, это исключено.

Алиса промолчала.

Она напряженно искала выход. Пригласить кого-нибудь пожить здесь, пока папенька будет в Шотландии... Ей отчаянно не хотелось уезжать из деревни, которую любила, и торчать в Лондоне в обществе тетки Генриетты.

Им с сестрой уже доводилось дважды гостить у нее; оба раза Алиса изнывала от скуки, а Пенелопа назвала атмосферу, царящую в теткинском доме в Ислингтоне, гнетущей.

Старшая сестра сэра Адриана задолго до того, как он женился, вышла замуж за офицера.

Армейская карьера генерала Ледбери была успешной и долгой. Сэр Адриан презрительно называл его «вояка в кресле», имея в виду, что он ни разу не был на поле боя, не нюхал, так сказать, пороху.

Выйдя в отставку, он получил орден и вскоре умер, оставив жене немного денег и ни одного ребенка. Возможно, именно поэтому леди Ледбери обожала делать людям добро и добывать деньги для миссионеров, увечных солдат и детей-сирот.

Каждый раз, приезжая к ней, племянницы обязаны были либо шить уродливую одежду для жителей каких-нибудь богом забытых мест, на-

верняка предпочитавших обходиться вообще без нее, либо переписывать религиозные трактаты, поскольку перепечатку община считала чересчур дорогим удовольствием.

Посвятить подобным занятиям целых два, а то и три месяца — об этом Алисе было страшно подумать. Но так как отец ни в какую не соглашался разрешить своим дочкам остаться дома, Алиса, которая не любила с ним спорить, решила, что разумнее будет уступить, уповая на то, что он скоро вернется домой.

Взглянув на стоявший у окна мольберт, Алиса с грустью подумала, что тетя ни за что не позволит тратить время на такое пустое, по ее мнению, занятие, как живопись. А если Пенелопе захочется сшить что-нибудь для себя, ей придется делать это украдкой, по ночам.

Алиса перевела взгляд на сестру и с удивлением увидела, что та улыбается и ее большие глаза весело поблескивают.

— Чему ты так рада? Что случилось?

— Мне пришла в голову замечательная идея! — ответила Пенелопа. — Вчера, после разговора с Элоизой.

Элоиза Кингстон была дочерью местного сквайра. До прошлого года сестры учились с ней вместе — пока ее не отправили в институт благородных девиц.

Неделю назад она вернулась домой, и Пенелопа уже успела с ней встретиться, а у Алисы не нашлось на это времени: она была слишком занята, собирая отца в дорогу.

— Как хочется повидать Элоизу! — воскликнула Алиса. — Она рада, что снова дома?

— В конце этого месяца ее представят ко двору, — вместо ответа горько заметила Пенелопа.

Только Алиса знала, как обидно для Пенелопы то, что у Элоизы скоро появится возможность бывать на всех балах, приемах и раутах, а ей самой придется сидеть дома.

— Это нечестно! — повторяла она снова и снова. — Почему папенька не сделает для нас того же самого?

— Он не может себе этого позволить, — неизменно отвечала Алиса. — Ты же прекрасно знаешь, Пенелопа, что мы едва сводим концы с концами.

— Так почему бы ему не написать нормальную книгу и получить за нее деньги, вместо того чтобы печатать толстые скучные тома, которые никто не читает?

На это Алиса всегда улыбалась:

— По-моему, ему и в голову не приходит, что он должен быть кормильцем. Да и в любом случае, он счел бы это ниже собственного достоинства.

— Но ведь фамильное древо есть не станешь, и на титул седьмого баронета не сошьешь нового платья! — в сердцах восклицала тогда Пенелопа.

Куда легче было бы переносить нищету, если бы Элоиза, которая к ним очень хорошо относилась, не рассказывала, приезжая на каникулы, о людях, с которыми познакомилась, и о развлечениях, которые ждали ее в предстоящем сезоне.

А к Рождеству сквайр с супругой собирались ввести свою единственную дочь в высшее общество.

Это было не так уж легко. В Хартфордшире отец Элоизы пользовался широкой известностью, поскольку был крупным землевладельцем, но в Лондоне его мало кто знал, и представители этого самого высшего общества не спешили распахивать перед его дочерью двери своих домов.

И все-таки, видимо, он добился успеха, поскольку, по словам Пенелопы, Элоиза получила приглашения почти на все балы, которые должны были состояться в столице в следующем месяце, и задержалась с возвращением домой, потому что покупала с матерью новые платья.

— Никогда не видела ничего лучше! — восторгалась Пенелопа. — И новые фасоны ничуть, ну просто ничуть не похожи на те, что мы с тобой носим, Алиса. — Голос ее зазвучал мечта-

тельно: — Юбки пышнее, подол украшен кружевом, цветами и вышивкой. Талия, правда, высокая, как и раньше. Рукава широкие. А шляпки такие красивые — просто неопишимо!

Алиса не могла не подумать, что Элоиза совершила большую ошибку, показав Пенелопе свои новые туалеты. Зависть — дурное чувство. Хорошо бы сквайр со своим семейством поскорее уехал в Лондон.

И сейчас, полагая, что ей предстоит в очередной раз услышать описание платьев Элоизы, Алиса покорно уселась на софу и приготовилась внимать восторгам сестры. Но она ошиблась: Пенелопа заговорила совсем о другом.

— Элоиза рассказала о двух девушках по фамилии Ганнинг, — начала она. — Они жили в Ирландии и, когда им исполнилось восемнадцать, приехали в Лондон. Обе были очень красивы и очень бедны.

Алиса улыбнулась.

— Я знаю эту историю, — сказала она. — Давным-давно я читала о них и, кстати, тебе говорила.

— Наверное, я не слушала, — отмахнулась Пенелопа. — Так вот. Младшая вышла замуж сначала за герцога Гамильтона, потом, после его смерти, за герцога Аргилла, а старшая — за графа Ковентри.

— И умерла совсем молодой, — подхватила Алиса, — потому что пользовалась кремом от морщин, в котором были свинцовые белила.

— Ну тебе-то не нужно будет этого делать.

Алиса удивленно взглянула на сестру:

— В каком смысле?

— В таком, что мы с тобой станем сестрами Ганнинг! — ответила Пенелопа. — Я все хорошенько обдумала. Хотя ты у нас великая скромница, но красотой мы с тобой этим сестрам не уступаем.

Алиса рассмеялась:

— Готова согласиться, дорогая, но весьма маловероятно, что два герцога свалятся к нам через дымоход, а граф влезет в окошко.

— Ты разве успела забыть, — поинтересовалась Пенелопа, — что мы едем в Лондон?

— Честно говоря, одна мысль об этом приводит меня в ужас, — ответила Алиса. — И потом, у тети Генриетты можно встретить только священников и миссионеров.

— И все же она живет в Лондоне.

— А нам чем это поможет?

Помолчав, Пенелопа сказала:

— Я абсолютно уверена, что, если мы сможем попасть хотя бы на один из тех балов, куда приглашена Элоиза, нам обеспечен такой же блестящий успех, как сестрам Ганнинг.

Алиса опять рассмеялась:

— Мне кажется, это маловероятно. А если и сможем, то в наших платьях будем выглядеть словно нищенки. Не ты ли совсем недавно расписывала во всех подробностях те потрясающие наряды, которые теперь в моде?

— У сестер Ганнинг было одно платье на двоих, — заметила Пенелопа. — Когда одна выезжала в свет, другой приходилось валяться дома в постели. А у нас с тобой их будет два — одно мне, другое тебе. — Алиса недоверчиво покачала головой, а Пенелопа продолжала как ни в чем не бывало: — Миссис Кингстон недавно сказала кое-что, и я еще раз подумала, что нам с тобой, как сестрам Ганнинг, просто необходимо держаться вместе. — Поймав недоумевающий взгляд Алисы, Пенелопа пояснила: — Она говорила о вазах, что стоят у нее в гостиной на каминной полке. Знаешь, те, из северского фарфора. Я их видела тысячу раз, а тут вдруг заметила, что ваз не две, а только одна. Я спросила:

— А где же другая ваза, сударыня?

Миссис Кингстон вздохнула и ответила:

— Служанка разбила на прошлой неделе. Я на нее сильно рассердилась. Вы знаете, наверное, что хотя северский фарфор вообще очень ценится, но парные вазы стоят намного больше, чем одна.